

Наступил вечер, солнце клонилось к закату, холмистые склоны и верхушки деревьев окрасились золотом. Земля на фоне слегка остывающего ветра подёрнулась едва уловимой сине-фиолетовой дымкой, словно юная дева, набросившая на себя тонкую вуаль.

Е Цзы проснулся. Он сел и потёр глаза:

— Ты ещё здесь?

Кролик поднял руку и, пока Е Цзы слегка хмурился, снял травинки с его волос и цветочные лепестки с плеч:

— Угу. Хорошо спалось?

Е Цзы вспомнил прошлый раз в кинотеатре: тогда он тоже уснул рядом с ним. Хоть он и старше Кролика на четыре-пять лет, по ощущениям выходило, будто тот о нём заботится, — даже стыдно как-то. Достав телефон, он вдруг снова вспомнил о письме Кролика и спросил:

— Расскажи мне о Чжан Шуи. Почему ты хочешь её убить?

Чжан Шуи была пожилой женщиной, которую Е Цзы должен был убить по обмену. Кролик смотрел на сверкающую гладь пруда и рассказывал:

— Она была старой служанкой нашей семьи. Терпеть не могла мою маму, считала, что та из низов, что когда-то... торговала телом, а в этот дом попала только потому, что забеременела. Она считала, что мама недостойна быть хозяйкой этого дома. Когда я был маленьким, она регулярно подсыпала маме медленнодействующий яд. Лёгкое недомогание становилось всё серьезнее, мама чуть не умерла! Когда это обнаружилось, отец не наказал Чжан Шуи, а просто велел уйти из нашего дома. А я всё никак не мог успокоиться. Из-за яда здоровье мамы становилось всё хуже, теперь она не может даже выйти погулять с подругами. Целыми днями лежит дома, забытая всеми, терпит, что отец путается с другими женщинами. Какой в этом смысл?.. Во всём виновата старуха, поэтому я всё время думал о мести.

Е Цзы просматривал информацию в письме:

— Разве она не живёт где-то поблизости?

— Да.

— Пошли взглянем.

Кролик удивился:

— А-Цзы, ты собираешься действовать?

Е Цзы цокнул языком:

— Только дурак станет действовать. Мне твоя месть совершенно не интересна, но сейчас я не хочу возвращаться в университет, а в квартире тяжёлая аура, туда тем более не тянет. Будем считать, что просто убиваем время.

Да, раз уж Кролик дал ему право выбора, только дурак выберет убийство. Он больше не хотел убивать. Никогда.

В оранжево-красном свете над головой кружили стаи птиц, под ногами шелестела листва, а среди высокой травы цвели, заслоняя друг друга, безымянные полевые цветы. Е Цзы шёл впереди, Кролик — позади. Волосы и полы одежды развевались на ветру. Е Цзы уже хотел было посетовать на то, что Кролик плетётся так медленно, — ведь это он ведёт их к старухе, — и обернулся, чтобы пожурить его. Однако стоило ему взглянуть на юношу, как он растерял все слова.

Е Цзы снова почувствовал головную боль и слегка нахмурился. Затем он услышал стрекот цикад: цз-з-з, цз-з-з... Звук шёл справа. Кролик, одетый в белую рубашку с длинным рукавом, стоявший неподалёку, словно в одно мгновение уменьшился, а его силуэт отдалился. Картинка перед глазами стала зернистой, словно в старом фильме с плохим сигналом: всё стало мутным, с рябью и помехами.

Там, вдалеке, стоял мальчик лет пяти, одетый в тёмно-синий комбинезон, гольфы и маленькие кожаные ботинки, он с мольбой смотрел на Е Цзы. В лучах солнца его светлые волосы колыхались, будто покрытые позолотой. В прерывистом изображении он приближался шаг за шагом, выкрикивая его имя:

— А-Цзы... А-Цзы... Поиграй со мной, ну пожалуйста, а-Цзы!

Е Цзы резко зажмурился. Кролик почувствовал неладное и обеспокоенно спросил:

— Что с тобой? Нехорошо себя чувствуешь?

Е Цзы потёр виски, покачал головой и продолжил идти. Но Кролик схватил его за руку и сказал:

— Осторожнее, впереди лужа.

Стоило ему увидеть эту лужу, как в ушах снова зазвучали цикады, голова опять разболелась. Та картина снова всплыла перед глазами.

— А-Цзы! Поиграй со мной, ну пожалуйста! — раздался нежный, до боли знакомый голос, а следом его собственный голос из прошлого:

— Бесишь! Хватит за мной таскаться!

Вслед за этим маленького мальчика толкнули. Он отшатнулся на несколько шагов назад, поскользнулся в своих кожаных ботинках и неуклюже плюхнулся прямо в лужу. Грязные брызги высоко взлетели, запачкав дорогой тёмно-синий комбинезон, белоснежную рубашку и галстук-бабочку. Сидя в грязной жиже, он жалобно уставился на него огромными глазами с длинными ресницами — точь-в-точь как у куклы. Вдруг он сморщил лоб и личико, скривил губы, всё его тельце задрожало, глаза покраснели, из них хлынули слёзы. Он плакал горько, навзрыд, захлёбываясь. И сквозь рыдания звал:

— А-Цзы, а-Цзы, а-Цзы, а-Цзы, а-Цзы...

В заплаканных глазах отражалась его фигура, его лицо. А в постепенно успокаивающейся поверхности лужи отражались синее небо и белые облака. Он плакал посреди этого синего неба и белых облаков... Плакал и звал его по имени: «А-Цзы!»

— А-Цзы? А-Цзы! — Кролик несколько раз встряхнул Е Цзы, пока тот не пришёл в себя. — Да что с тобой такое? Ты сам не свой, может, лучше вернёмся домой?

Е Цзы застыл на несколько секунд. Видение вновь стало расплывчатым, словно просто приснилось. Он покачал головой и продолжил путь. Вскоре показалось несколько одноэтажных домов. Кролик уверенно повёл его за собой и остановился перед единственным среди них двухэтажным каменным домом.

Железные ворота были распахнуты настежь. Внутри группа мужчин азартно резалась в маджонг. На пороге, сгорбившись над стручками фасоли, сидела старуха, а рядом с ней, высунув длинный язык, на солнышке грелась дворняга. Старуха выглядела ещё более дряхлой, чем на фотографии. Ей было всего шестьдесят, но выглядела она на восемьдесят: совершенно седые волосы, кожа сплошь в морщинах, тщедушная, сгорбленная, в очках с толстыми линзами.

Е Цзы решительно не понимал: есть ли смысл убивать человека, который и без того одной ногой в могиле? Жизнь и так обошлась с ней достаточно сурово.

Е Цзы не собирался ничего предпринимать. Однако местные пейзажи так его очаровали, что теперь он часто сбегал сюда после обеда в университете: почитать книгу на закате, вздремнуть, а потом вернуться последним автобусом было совсем неплохо.

Он часто встречал эту старуху. На самом деле, в каком-то смысле они с ней были похожи. Опираясь на трость, старуха часто приходила к реке со своей собакой и сидела там до заката. В такие моменты он обычно читал неподалёку, стоило поднять голову — и он видел её сгорбленную спину.

Кажется, ей жилось несладко. Однажды она не успела посидеть и нескольких минут, как какой-то мужчина потащил её обратно, осыпая бранью, называя бесполезной дармоедкой, которая только и знает, что прохлаждаться. Иногда с ней заговаривали прохожие, чему она была несказанно рада, но, увы, собеседники быстро уходили. Она почти ничего не слышала и отвечала невпопад — «голова быка, рот лошади». Она очень любила соседского ребёнка, часто угощала его апельсинами, а тот играл с её собакой... Словом, как ни посмотри, эта старушка казалась доброй и несчастной, трудно было представить, что когда-то она могла отравить человека.

Сам того не замечая, Е Цзы почувствовал, что стал для неё кем-то вроде друга. Ему, несмотря ни на что, захотелось поговорить с ней о молодом мужчине, который её обижает, о её прошлом, о семье Кролика. Если получится, он хотел бы ей помочь...

Он сел рядом с пожилой женщиной и приветливо с ней поздоровался, самым банальным способом завязывая разговор:

— Бабушка, погода сегодня хорошая, правда?

Он говорил с ней минут пять или шесть, прежде чем старушка, словно очнувшись ото сна, повернула голову и посмотрела на Е Цзы. На её морщинистом лице отразилось недоумение,

затем она дрожащей сухой рукой сняла очки для чтения — линзы в них были очень толстые.

Светло-коричневая дворняга, дремавшая рядом с ней, не открывая глаз, вильнула хвостом. Но стоило Е Цзы попасть в поле её зрения, как у него оборвалось сердце. Старуха, широко раскрыв глаза, уставилась на Е Цзы. На лице её застыл ужас. Дрожа, она протянула к нему свой уродливый палец, открыла рот и сухо прохрипела:

— Ты... ты... ты...

Затем, опираясь на клюку, она поднялась, собираясь уйти, но упала в траву и скатилась в реку... Высоко взметнулись брызги, неистово залаяла дворняга.

Е Цзы оцепенело смотрел на свои руки, не в силах поверить, что только что он толкнул человека. Он подбежал к воде, пытаясь её вытащить. Однако река уже окрасилась багровым: старуха ударилась лбом об острый камень, и кровь бежала из раны. Её глаза тоже налились кровью, вылезли из орбит и застыли, так и не закрывшись перед смертью. Она больше не дышала.

Боже... Что же произошло... Почему... Почему так вышло?! Это случайность... просто случайность... Я вовсе не хотел никого убивать, но как же так?!

Дворняга продолжала лаять, пока Е Цзы не оглушил её камнем. Он зашагал прочь, ускоряя шаг, и вскоре побежал — побежал изо всех сил, словно спасая свою жизнь. На небе сгустились тучи — предвестники сильного ливня, становилось всё темнее. Свистел холодный ветер, кружась, опадали крупные листья. Е Цзы казалось, что он угодил в ловушку, в спиральную западню, низвергался в бездну, и падению не было конца.

Он не знал, как долго бежал, пока кто-то не схватил его и не остановил. Это был Кролик. Крупные капли дождя застучали по земле, вскоре хлынул ливень. Кролик прижал Е Цзы к твёрдому стволу дерева, повторяя:

— Успокойся, а-Цзы, успокойся!

Е Цзы беспрестанно мотал головой, окончательно потеряв рассудок:

— Я не нарочно... я не хотел... я... что же делать... что делать... я просто хотел поговорить с ней... я...

Кролик больше ничего не сказал, лишь крепко прижал Е Цзы к груди. Стук их сердец слился воедино. Дождь лил всё сильнее, безжалостно хлеща всё живое. Шум и грохот воды словно грозили уничтожить этот мир.

Когда Кролик разжал объятия, Е Цзы уже сидел под деревом. Дождь поутих, а сам он давно забыл, в какой момент опустился на землю. Ледяные руки Кролика вытирали щёки Е Цзы, а затем он осторожно приподнял его лицо. Е Цзы наконец взглянул на Кролика. Тот промок до нитки и выглядел совсем жалким. Спутанные волосы прилипли к его лбу и щекам, их цвет стал темнее обычного — тёмно-коричневым. На ресницах застыли капли воды, губы слегка посинели, а кожа казалась особенно бледной. Цвет радужки оставался всё таким же светлым, но расширенные зрачки казались бездонно-тёмными, в них целиком отражалось лицо Е Цзы — такое же растерянное и жалкое. Его взгляд скользил всё ниже и, наконец, замер в одной точке. На губах Е Цзы.

Сердце Е Цзы бешено колотилось, он судорожно сглотнул. Пальцы Кролика, сжимавшие щёки Е Цзы, напряглись, дыхание стало горячим, а зрачки расширились ещё больше. Затем Кролик неуверенно потянулся к нему, но Е Цзы почувствовал головную боль. Сознание мутилось, особенно когда он смотрел в эти глаза — он вдруг вспоминал того упавшего в лужу рыдающего ребёнка. Казалось, кто-то предостерегал его, чей-то голос в его голове твердил: «Не подпускай Кролика ближе! Он просто хочет утащить с собой в ад... Он подтолкнул тебя к мысли об убийстве девушки, он заставил тебя убить старуху! Он — грешник! Сейчас, сейчас у тебя ещё есть шанс сбежать! Он слишком опасен! Слишком опасен! Ради себя самого держись от него подальше! А потом забудь всё, что сегодня произошло, и всё будет хорошо! Всё обойдётся!»

Тогда он резко вырвался и вскочил. Сидевший на корточках Кролик с недоумением поднял на него глаза. Его голос был хриплым и почему-то необъяснимо сексуальным:

— Что случилось, а-Цзы?

Е Цзы опустил голову, волосы скрыли его глаза. Прошло немало времени, прежде чем он тихо произнёс:

— Теперь наша вторая сделка завершена, так ведь?

Кролик кивнул.

— Впредь больше не ищи меня и не ходи за мной.

Выражение лица Кролика мгновенно изменилось. Нежность и любовное наваждение, что были там мгновение назад, бесследно исчезли. Тихо прозвучал голос:

— Почему?

— Я больше так не могу. Рядом с тобой я буду постоянно вспоминать о смерти Хайся, а ещё... о смерти старухи. Рядом с тобой у меня болит голова, звенит в ушах, мне физически плохо... Если я буду с тобой, я, наверное, никогда не смогу остановиться. Я этого не хочу. Думаю, нам обоим нужно пространство, нам нужно прийти в себя...

Дождь прекратился, Кролик встал. Е Цзы думал, что он выйдет из себя, ударит его или заплачет. Но Кролик этого не сделал.

Он достал из кармана сто юаней, сунул их в сумку Е Цзы и сказал:

— А-Цзы, у тебя ведь нет с собой денег? Поезжай в университет на такси, общественный транспорт сейчас уже трудно поймать. Когда вернёшься, обязательно сразу сними мокрую одежду, лучше всего прими горячую ванну, чтобы не простудиться.

Е Цзы опешил:

— Эй, ты слышал, что я только что сказал? Как...

Кролик прервал Е Цзы. Его опущенные ресницы слегка дрогнули, но он продолжал улыбаться:

— Если таково твоё желание — хорошо, без проблем.

Сказав это, он развернулся и ушёл. Его одежда промокла насквозь, ледяная вода стекала с края куртки, капала на траву, поднимая крошечные брызги. Дойдя до фонаря, он оглянулся на Е Цзы и произнёс:

— А-Цзы, прощай.

<http://bllate.org/book/14916/1575442>